

4.2. Отчуждение посредством пропаганды

Психопаты или, как их еще называют, ненормальные (от латинского “alienus” — чужой, инородный, изгой) — люди, которые отличаются от нормальных, т.е. другие, но также это может означать и принадлежащие к другой группе. В более глубоком смысле так можно назвать человека, чье сознание очищено от привычных для других, нормальных людей, суждений для того, чтобы заполниться другим содержанием или перемешаться с ним. В этом, собственно, и состоит суть пропаганды¹³. Она промывает сознание человека, лишает его собственного взгляда на вещи, и в то же время погружает его в другую жизнь, вымышленную, ненастоящую, искусственную настолько, что под ее влиянием человек становится другим, начинает повиноваться чужим правилам, другим законам, которые ему чужды, попадает в зависимость от другого¹⁴.

Заметим, кстати, что умелая пропаганда при этом никогда насильно не пытается втянуть человека в какой-либо грандиозный проект, посеять в его душе страх, сомнение или страдание, всячески старается удержать от саморазрушения и оградить от потери индивидуальности. Преданность великой идее, верность своему начальнику и тому подобное придают силы, вселяют чувство удовлетворения: нам нравится чувствовать себя членом большой команды. Человеку присуще желание отрешиться от своих проблем и влиться в коллектив, раствориться в толпе. Вот тут пропаганда и дает ему эту прекрасную возможность, причем самым невинным образом, поэтому этим трудно пренебречь.

На что направлены усилия пропагандистского влияния в первую очередь? Прежде всего на то, чтобы лишить человека способности мыслить критически¹⁵ и потребности иметь собственное суждение. С помощью пропаганды человек лишается возможности применять свои умственные способности, у него просто нет в этом необходимости, так как пропаганда подсовывает ему в нужный момент уже готовый предмет для обсуждений (пусть даже вымышленный) и уже готовую точку зрения, основанную на стереотипах. Она предлагает ему весьма ограниченный перечень тем, стараясь избегать спорных проблем, чтобы не натолкнуть на необходимость самостоятельно искать решение или, размышляя, выстраивать аргументацию. Она как бы очерчивает центр проблематики, вокруг которого можно что-либо обсудить, и заранее намечает линию поведения, не допускающую ни критики, ни посторонних мыслей; точнее — можно, конечно, о чем-нибудь подискутировать или вообразить себе что-либо, но только не отклоняясь от темы и предписанной линии поведения, позволяя себе наивные рассуждения в определенных рамках. Именно это мы слышим от прогрессивных деятелей компартии.

Если человеку достаточно этих тем, если он согласен действовать по указке и в рамках предписанных правил, значит он лишен критического мышления. Это явление мы описали

раньше, полагая, что главной причиной создания табу является кристаллизация сознания. Monnerot¹⁶ справедливо заметил, что любая страсть влечет за собой отсутствие критического взгляда на предмет этой страсти. В гораздо большей степени коллективное восхищение какой-либо персоной или увлечение какой-либо идеей, внушенные пропагандой, приводит к полному исчезновению критического мышления. Разумеется, невозможно себе представить коллективного критического мышления. Человек перестает быть независимой единицей, перестает мыслить самостоятельно. Личность нельзя воспринимать как отдельную от общества единицу, так как она постоянно сверяет свою точку зрения с общепринятыми ценностями и ориентирована на предубеждения, созданные путем манипуляций с сознанием с помощью пропаганды. По мере того, как изменяется политическая ситуация, в обществе происходит пересмотр моральных ценностей, и обществу предлагается¹⁷ подготовленный пропагандистскими усилиями уже готовый, новый вариант, принятый и поддерживаемый с одной стороны большинством, что создает впечатление о его достоверности, с другой — мнением экспертного сообщества. Личность не имеет возможности ни высказывать свою, отличную от общепринятой, позицию, ни следовать своим принципам. Таким образом она просто утрачивает привычку вырабатывать самостоятельную точку зрения, что и так во все времена было непросто. Эту утраченную способность в дальнейшем невозможно возродить или сформировать заново. Ни в коем случае не нужно думать, что когда исчезает умение рефлексировать, мыслить критически, то достаточно убрать пропаганду, как эти способности обнаружатся вновь. На самом деле тут мы имеем дело с самым пагубным эффектом от действия пропаганды: в будущем потребуются многие годы образования, интеллектуального и духовного воспитания, чтобы возродить потребность иметь свое личное мнение и умение его сформировать. Скорее всего подвергшийся влиянию человек будет искать другой источник пропаганды, который может заполнить образовавшуюся пустоту и станет ему опорой для формирования отношения к происходящим событиям¹⁸. В самом деле, пропаганда представляет факты, предлагает готовые суждения, обосновывает моральные ценности специально в таком замысловатом виде, что обычному человеку не хватит ни образования, ни культуры, ни интеллекта, чтобы выстроить такого рода аргументацию. Да и информации у него для этого недостаточно. Поэтому все, что ему остается — либо принять целиком такую позицию, либо просто от нее отказаться.

Выходит так, что двумя различными путями мы приходим к одному заключению: отсутствие критического мышления происходит с одной стороны потому, что пропаганда разрушает способность к рефлексии, с другой — она создает условия, при которых в этом и нет необходимости.

Рано или поздно это приводит к тому, что человек утрачивает свое личное мнение, так как привыкает довольствоваться общепринятым. Это выражается в том, что он утрачивает индивидуальность и в выражении своей точки зрения, и в поступках, подчиняясь принятым в этой группе, в этом обществе правилам. Разумеется, личность всегда в той или иной мере есть отражение общества, но тут мы имеем дело с полным отказом от индивидуальности в результате специальных и систематических методов воздействия.

Сформированное пропагандой общественное мнение, как правило, не просто обезличено, но и фальшиво. Оно не представляет собой чье-то конкретное обобществленное мнение, но

каждому члену сообщества кажется, что оно выработано им самим, просто совпадает с мнением большинства. Он готов его отстаивать, как будто оно — его собственное, причем делает это с убеждением, уверенный в том, что это — его личная позиция. В этом — одна из характерных черт человека, находящегося под влиянием пропаганды. Он присваивает себе общую точку зрения, считая ее своей собственной, он впитывает подsunутые пропагандой факты и их толкование, выдавая их за свои. Он говорит от своего имени, убежденно отстаивает свою позицию, всегда готов поспорить с другими, он утверждает себя как индивидуальность, не отдавая себе отчета, что в этот момент он перестает ею быть, так как когда он повторяет слова, внушенные ему пропагандой, считая их своим собственным суждением, его глаза остаются пустыми, а изо рта доносятся звуки, записанные под диктовку в микросхемах его мозга, и когда он высказывает мысли, считая их своими собственными, а на самом деле — внушенные пропагандой, он перестает мыслить самостоятельно и утрачивает себя как личность. Чем больше такой человек упорствует, заблуждаясь относительно того, что является самостоятельной личностью, тем ярче он демонстрирует разрушение индивидуальности, так как он не может хоть в чем-то доказать свое отличие от коллектива, от общества, интегрированной частицей которого он стал. Он сам теперь — социальная группа, так как полностью слился с ней, у него больше нет собственного мнения, так как оно целиком совпадает с общим мнением группы, его суждения и рассуждения ничем не отличаются от общепринятых. Он отныне — продукт, созданный пропагандой, используемый ею как канал проведения ею самой сфабрикованных истин, ею создаваемых якобы достоверных фактов. И он готов делать это убежденно и искренне, не смея отступить или сделать шаг в сторону, потому что как самостоятельная личность он уже не существует, потеряв себя и превратившись в орудие пропаганды.

Этот механизм отчуждения коррелирует обычно либо с самоидентификацией себя в качестве героя, начальника, либо с растворением в массе. Стоит подчеркнуть, что оба этих механизма не исключают друг друга. Когда юный участник гитлерюгенда, восхищаясь фюрером, отождествлял себя со своим кумиром, он сливался с массой, отравленной пропагандой. Когда молодой комсомолец посвящал свою жизнь культу Сталина, он именно в этот момент становился частью массы: следует обязательно иметь в виду этот факт — чем в большей степени человек стремится к возвеличиванию своего идеала, тем в большей степени он теряет свою индивидуальность. Как часто мы слышали подобные бесноватые утверждения, взывающие к чести и совести аудитории, во время фашистских сборищ! Но в том или ином виде, идущие по одному или другому каналу, они всегда направлены на то, чтобы обезличить человека, лишить его индивидуальности, так как это всегда является целью пропаганды, а ее следствием становится идеализация предводителя масс, создание культа вокруг лидера, что естественным образом приводит к интеграции личности в толпу, слияние ее с активными массами. Когда под воздействием пропаганды, часто — с помощью жестких методов, удается заставить личность участвовать в коллективной деятельности, слиться с толпой в едином порыве, пусть даже эта активность носит искусственный характер, то личность, растворяя свою индивидуальность в коллективном сознании, приобретает «психологию толпы», ее деятельность и сознание уже не индивидуально, а складывается, как подчеркивают некоторые исследования, под воздействием «психологии масс». Подобного рода психологическая трансформация, возникающая спонтанно при постоянном присутствии массы со-участников, происходит при систематическом влиянии пропагандистских методов воздействия. Мы тут имеем дело с созданием психологии масс,

где возникает специфическая психология личности, интегрированной в массу, слившейся с толпой.

Мы больше не будем возвращаться к описанию этого психологического феномена, но позволим себе подвести итог: здесь речь идет, в конечном счете, о разрушении личности. Человек как индивидуальность перестает себя контролировать, подвержен внешнему влиянию, его собственные вкусы и предпочтения тускнеют и теряют смысл, заменяясь на коллективные воззрения и общепринятое мнение. И это массовое сознание лучше всего воплощается в своего рода идеализированной схеме в виде Героя. Наличие культа Героя очень типично для массификации общества. В любом обществе спонтанно возникает культ, например, чемпиона в каком-нибудь виде спорта или кинозвезды, иногда идеализируется и превращается в национального идола даже какой-нибудь вымышленный персонаж, как, например, Дэви Крокетт в США и в Канаде в 1955 году. Наличие массового поклонения какой-либо личности в обществе однозначно свидетельствует о его массификации. В таком обществе индивидуум не может стать личностью вследствие социальных условий, не может сформировать и выразить собственное мнение, не способен на сознательные поступки, не способен быть индивидуальностью, его стремления ограничены желанием быть похожим на избранного общественным сознанием Героя, он хочет одеваться, двигаться, думать и поступать как он, как этот всеми почитаемый идол. Он проживает не свою жизнь, а воплощает спортивные подвиги, переживает любовные приключения или военные авантюры, совершенные его идолом, он живет с ним в симбиотическом единстве. Механизм идентификации индивидуума с Героем, проецирование его судьбы на свою жизнь хорошо известны в психологии и описаны на примере знаменитостей у E.Morin¹⁹. Человек в современном обществе неизбежно попадает в эту ситуацию и восхищается сам собой в виде своего Героя. Он обладает его могуществом, поскольку сам к этому не способен, но постоянно и неосознанно мечтает об этом, стремится к его целям в жизни, проживает его приключения, отождествляет себя с его успехами. Человек в своих мечтах как-бы реализует то, на что сам не способен, но способен Его Герой, ставший для него и отцом, и моделью для подражания²⁰.

Таким образом пропаганда использует психологическую трансформацию, а точнее она ее усиливает, направляет в нужное русло и стабилизирует (кстати, разве могли бы знаменитости стать таковыми в массовом сознании или мог ли Дэви Крокетт завоевать такую популярность, если бы не реклама, механизмы обработки общественного сознания которой похожи на те, что используются в пропагандистских целях). Подверженный пропагандистскому влиянию человек идентифицирует себя с тем, кто с помощью пропаганды возвеличен в общественном сознании. При этом тоталитарный режим вовсе не является обязательным условием для создания культа личности: то есть не обязательно Гитлер или Сталин должны быть для нации кумиром, созданным пропагандой. Такой личностью в истории был Хрущев, Клемансо, Кулидж или Черчилль (интересно в связи с этим изучить мифологию, созданную вокруг личности Кулиджа, описанную в трудах Альбига²¹). Психологическое состояние обработанного пропагандой человека можно охарактеризовать так: он чувствует, думает и действует опосредованно, через чувства, мысли и поступки своего кумира; он находится под влиянием как под защитой, под покровительством своего живого божества, он согласен на то, чтобы чувствовать себя ребенком, прекращает заботиться о себе сам, защищать свои собственные интересы (так

как он знает, что его герой его любит и все делает ему на благо); он добровольно приносит в жертву собственное «я», соглашаясь на суровость политического строя. Вот почему любой режим, нуждающийся в проявлениях героизма со стороны населения, предполагает пропагандистское влияние с целью создания культа личности.

В этот момент уже вполне можно говорить о таком явлении как отчуждение, и становятся понятны слова Юнга о «регрессии до стадии инфантилизма»²², возникающей в обществе вследствие действия пропаганды. Он полагал, что у человека под влиянием пропаганды прекращается умственное развитие, и его поведение, обусловленное невротическим расстройством, становится похожим на поведение ребенка. Подобная регрессия является следствием формирования у индивидуума Психологии Масс. То же утверждал и Stoetzel, говоря, что пропаганда разрушает индивидуальность и в то же время создает индивида, обладающего только массовым сознанием, не способного к проявлению свободной воли и самостоятельному мышлению.

Но не стоит заблуждаться относительно того, что отчуждение представляет собой исключительный случай. Хотелось бы верить, что описанное нами явление представляет собой крайность, может быть даже болезнь, но это, Увы! не так. Это — случай вполне типичный, даже в своем остром проявлении. Мы повсеместно сталкиваемся с человеком, который пересказывает нам то, что он прочитал час назад в какой-нибудь газете, выдавая это за собственное суждение, считая это истиной, постигнутой путем собственных умозаключений, хотя на самом деле это — плод пропагандистских ухищрений. Такой человек слепо доверяет какой-нибудь партии, генералам, кинозвезде, правительству или высокой идее, он не желает подвергнуть сомнению веру в своего бога. Повсюду можно встретить подобных людей, не способных к здравомыслию, не желающих рассуждать, опираясь хоть как-то на собственный интеллект, в поисках хотя бы элементарных аргументов, пытающихся самостоятельно найти ответ на мучающие их вопросы, потому что полны уверенности в том, что существует некий Высший Интерес, которому надлежит блюсти верность до гробовой доски. Конечно, так проще и достигается без усилий, без поиска ответов опытным путем, без критического взгляда, без размышлений, так как обеспечивается хорошо подготовленной пропагандистской работой с ее разрушительными для личности последствиями. Таких людей с психическими отклонениями много среди нас, может быть мы и сами уже стали таковыми.

Но наряду с психическими нарушениями, возникающими вследствие помещения мыслящего человека в иррациональное сообщество, существует и другого рода отчуждение. Речь идет об искусственном удовлетворении реальных потребностей, или, иначе говоря, о реальном удовлетворении искусственных потребностей (о рекламе).

Первый случай соответствует тому, что мы описали, обсуждая психологические последствия воздействия пропаганды, в том числе с учетом того, как она меняется, приспособляясь к социальным реалиям нынешнего общества. Современный человек чувствует себя тревожно, он обеспокоен, напряжен, находится в состоянии фрустрации, так как ничего не понимает в мире, где ему приходится жить и действовать, так как ему постоянно приходится совершать неординарные поступки и идти на жертвы, значение которых от него скрыто, но к которым его подталкивает пропаганда²³. Она для него — опора в жизни, она объясняет ему, что и

как, но ее аргументация иллюзорна и обманчива. Она объясняет ему правила жизни в мире, где он живет, но ее объяснения лживы или лишены смысла. Она его либо успокаивает не вовремя, либо некстати возбуждает. Точно также она заставляет его дрожать от страха, рассказывая о несуществующей угрозе войны с применением микробов, или заставляет поверить в мирные намерения той или иной страны, которая вовсе не стремится к миру. Она объясняет ему причину, по которой он должен пойти на жертвы, хотя на самом деле все это — сказки. Так в 1914 году пропаганда кричала о необходимости отдать свою жизнь во имя родины, но скромно умалчивала об экономических причинах войны, так как, если бы об этом было сказано во всеуслышание, вряд ли удалось бы отправить на смерть столько людей.

Пропаганда, удовлетворяя потребность человека в спокойной жизни, вселяет в него уверенность в происходящем, дает возможность расслабиться и уменьшает страхи, смягчает фрустрацию, но делает это весьма изощренным, нечестным способом: если мы, например, имеем основание полагать, что у рабочего человека есть повод, учитывая его материальное положение, чувствовать себя обделенным, отверженным, несчастным, то мы скажем, что пропаганда, успокаивая и утешая его, в еще большей мере заставляет его впадать в отчаяние, мучиться и страдать от отчуждения (хотя в действительности она способна решить проблемы рабочих, как это сделано, например, в СССР). Если мы полагаем, что человек, оказавшийся в аномальных условиях большого города или во время войны, имеет основание испытывать страх за свою жизнь, страдать от лишений или чувствовать себя неуютно, мы скажем, что пропаганда, которая старается его приспособить, примирить с этими ненормальными условиями и предлагает нереальные варианты для решения его проблем (то, что на самом деле никак не облегчает его существование), в действительности вредна и даже опасна. Конечно, на первый взгляд она обладает неким терапевтическим эффектом, но такая терапия подобна средству лечить печень алкоголика водкой, то есть интоксикация будет продолжаться, но больной перестанет переживать по поводу своей печени. Именно такой эффект предлагают иллюзорные и лживые пропагандистские методы для лечения социальных болезней современного человека: они примиряют человека с ненормальными условиями жизни, в которых он оказался. Она подавляет ответную реакцию, вызванную недовольством своим положением в обществе, которая могла бы вылиться в раздражение, мятежи и протестное движение.

Все, о чем мы до сих пор говорили, относится к пропаганде, которая апеллирует к нашим инстинктам и подсознательным чувствам, пытаясь их высвободить и вывести наружу. Например такие, как эротические фантазии, чувство вины, жажду власти. Но освобождая их, она вовсе не стремится дать им возможность воплотиться в реальной жизни, полностью раскрыться — точнее, делает это в определенных пределах и только для того, чтобы человек смог оправдать свои притязания, снять агрессивность, не чувствуя при этом угрызений совести. Речь не идет о том, чтобы он сам выбирал точку приложения своей силы, и, тем более, никто не позволит ему удовлетворять свои эротические фантазии так, как ему самому придет в голову. Пропаганда предлагает лишь иллюзорные средства для удовлетворения этих желаний. Они могут быть подобны механизму «декомпрессии», подробно описанному в моей книге «Технология или Изобретение века», или могут быть основаны на использовании шока от применения чудовищной силы на расстоянии, чтобы предоставить им возможность использовать оружие, которое без этой поддержки совершенно бесполезно. Но здесь мы также можем увидеть, как постепенно как человек

становится управляемым и вследствие отчуждения перестает быть личностью.

Современный человек страдает от недостатка искренней дружбы, доверия и глубоких личных отношений с близкими людьми²⁴. Он погружен в общество, где царит конкуренция, и в следствие этого человеческие отношения становятся жесткими, неприязненными: каждый хотел бы встретить человека, которому он может без опасений открыть свою душу, найти друга и стать для кого-то настоящим другом. Но в повседневной жизни это практически невозможно. Зато возможна визуализация этой заманчивой картинки, и это обнадеживает. Искать и находить доверие у начальника, у кинозвезды, киногероя, телеведущего просто и вселяет надежду. Замечательный анализ, проведенный Thévenot, показывает, как телевидение создает дружбу и новый стиль задушевных отношений²⁵. Новые технологии вполне удовлетворяют эту потребность. Единственно, что не хватает этим исследованиям, так это признаться в том, что подобные технологии иллюзорны, обманчивы: нет и не может быть настоящей дружбы и задушевности между героем на телеэкране и зрителем по другую сторону экрана. Перед нами типичный случай подмены, обмана, замещения настоящих чувств имитацией. Но то, к чему телевидение пришло спонтанно, уже давно и систематически используется пропагандой. «Отец народов» всегда рядом.

Другой пример: в далеком 1958 году Хрущев обещал построение коммунизма в СССР, но это обещание, судя по всему, так и останется просто декларацией. Но на этот счет в стране развернулась полномасштабная пропагандистская кампания, явно иррациональная: главный аргумент в защиту идеи заключался в том, что к 1975 году уровень производства в СССР станет выше, чем в США. Ну, разве это не доказывает, что Соединенные Штаты к этому времени уже вступили в эпоху коммунизма?! Заметим также, что в 1958 году обещанный коммунизм планировался на 1975 год, но в апреле 1960 года господин Хрущев отодвинул сроки и назначил начало новой эры на 1980 год. Развернувшаяся пропаганда должна была подогревать и усиливать ожидания советской публики, чтобы она не потеряла надежды на исполнение своих требований, а также поддерживать доверие к власти. Здесь имеет место чисто теоретический ответ на запрос масс, но вполне приемлемый, так как отвечает их чаяниям и с помощью механизмов пропаганды кажущийся реально осуществимым.

Но мы должны принять во внимание особенности современного общества. С помощью пропаганды формируются искусственные потребности. Подобным образом пропаганда создает и политические проблемы²⁶, ведь совершенно очевидно, что сами по себе они не возникают. Сначала пропагандой в обществе формируются некие ожидания, муссируются некие догадки, затем потребность в некой определенности, и как следствие отсутствия ясности в ситуации общественное мнение начинает требовать решения проблемы. Эти ожидания, домыслы и предположения носят вялотекущий характер, но именно благодаря пропаганде могут стать категоричным вызовом. В этом смысле пропаганда подобна рекламе²⁷. Реклама, кстати, в некоторой степени помогает распространению пропаганды, так как воспитывает у населения соответствующие привычки в плане восприятия информации, распространяемой посредством СМИ. Пропаганда как-бы продолжает эффект влияния рекламы на индивидуальное сознание, она, как и реклама, проникает через те же каналы и использует те же средства (разумеется, речь идет не о содержании, а о психологической зависимости от нее индивидуума). Под влиянием пропаганды некоторые

предубеждения (по отношению к другой расе, к чужому богатству), потребности (в равенстве, в успехе) вырастают в сознании человека до уровня всепоглощающей страсти, занимают все поле сознания, становятся навязчивой идеей, не оставляют время для других мыслей и занятий, настойчиво требуют разрешения. Наши собственные сокровенные мысли, лежащие глубоко в подсознании, спрятанные в глубине души, смешиваются с поверхностными, привнесенными пропагандой домыслами, образуя довольно странный альянс. Так мечта каждого о свободе, слившись с пропагандистскими либеральными идеями, распространенными в XIX и XX веке, породила чудовищный союз, получивший название «либерализм, либеральные ценности». Практически то же самое произошло и с пониманием Правосудия и чувством Справедливости. Именно пропаганда теперь определяет порядок и устанавливает меру вещей, перемешивая смысл понятий на уровне психологии восприятия. Понятно, как средства массовой коммуникации объявляют истиной то или иное явление, диктуют моду или формируют спрос (вспомним, как телевидение породило потребность его иметь и его смотреть), но это становится истиной в последней инстанции, если эти средства используются с целью распространения пропаганды.

Пока пропаганда действует в русле создания потребности, она попутно пробуждает желание ее удовлетворить. Мы уже описали ранее механизм, каким образом с помощью пропаганды можно снять напряжение, смягчить накал страстей, но создавая потребности, она же создает ожидание и новое напряжение. Правда, в этой ситуации это — умышленно созданное с помощью пропаганды напряжение и только с ее же помощью можно его снять. Именно она, пропаганда, управляет процессом возбуждения напряжения и его смягчения, и у нее есть для этого средства. Более того, можно сказать, что когда пропагандистские методики создают напряжение, то только для того, чтобы подвергшийся ее влиянию индивидум скорее согласился воспользоваться средством, способным его снять, и осуществит те действия, к которым пропаганда как раз его и подталкивает (желательные с точки зрения пропагандиста). Таким образом индивидум оказывается в пространстве искусственно созданной политической необходимости, пусть даже ее отправной точкой стала вполне конкретная, реальная ситуация.

Например, при формировании классового сознания пролетариата положение с реальной бедностью рабочих пропагандистскими усилиями обострялось до нищеты. Так же и с пониманием принципа равенства: пропаганда усиливала напряжение, обостряя любые требования, звучащие со стороны меньшинств. Но в тот же момент пропаганда предлагает и средство для снятия напряжения. Она дает индивидуму шанс, открывает перед ним двери (и мы убедились в том, насколько действенным может быть это средство в руках опытного пропагандиста). Правда, в результате оказывается, что это средство однозначно приводит индивидума к отчуждению: он больше не принадлежит самому себе, так как находится в зависимости от оказываемого на него давления (можно сравнить с действием транквилизаторов на человека — биологически он — то же самое существо, но его поступки и мысли обусловлены действием лекарства). В действительности с его сознанием производят манипуляции, направленные на то, чтобы освободить его разум от личных стремлений и мотиваций и поселить на освободившееся место внушенные пропагандой мысли, чтобы таким образом снять возникшее напряжение. Возможно такой способ действительно можно признать действенным средством для снятия напряжения, т.е. настоящим лекарством, но не будем забывать, что это напряжение, (эта болезнь)

предварительно была искусственно создана все той же пропагандой.

Далее, как мы уже отмечали раньше, искусственно созданные пропагандой потребности начинают играть в сознании индивидуума главенствующую роль, а благодаря распространению через СМИ очень быстро охватывают общество в целом и принимают глобальный характер. Для индивидуума внушенные пропагандой мысли становятся важнее его собственных умозаключений, вытесняют из его сознания его субъективное понимание, подавляют его личное мнение. В политике, как и в торговле, создание искусственных потребностей приводит к постепенному вытеснению произвольных, стихийных потребностей.

Тут и происходит настоящее отчуждение человека от самого себя, лишение его собственного Я, чтобы отдать обезличенное существо во власть технически ориентированных абстрактных механизмов воздействия.

И опять приходится констатировать, что отчуждение тем более выражено, чем в большей степени индивидуум уверен, что чувствует, думает и действует по собственной воле. Психолог Биддл провел детальный анализ и доказал, что находящийся под влиянием пропаганды человек ведет себя так, словно его реакции на происходящее и мысли зависят только от него самого. Он повинуетя, дрожит от страха, с воодушевлением берется за какое-нибудь дело, расслабляется по приказу, но при этом в его действиях нет пассивного автоматизма, запрограммированного поведения, как у автомата. Человек не сопротивляется внушению, он все еще «сам» принимает решение, чувствует себя свободным (тем больше, чем в большей степени подвергся обработке пропагандистскому влиянию!), он активен и сам решает, как поступить. В самом деле умелая и тонкая пропаганда, чтобы смягчить оказываемое ею давление, предлагает ему на выбор два-три возможных способа действий, и человеку кажется, что его выбор зависит от него самого, что он сам настолько индивидуален, организован и разумен, что в состоянии оценить ситуацию и сделать выбор. Разумеется, ему несложно это сделать! От него не требуется долго думать и тратить много энергии, чтобы принять решение, так как оно лежит на поверхности, отвечая одновременно настроениям в группе, внушению и социологическим запросам. Принимая решение под влиянием пропаганды, человек всегда с легкостью осуществляет выбор (даже если в результате он жертвует своей жизнью!), он плывет по течению, но ему при этом кажется, что он сопротивляется волне, совершает героический поступок, проявляет личную доблесть, так как именно пропаганда внушила ему эти мысли, наделила энергией, вселила чувство личной ответственности и внедрила в его сознание все то, что можно облечь в словесную форму, разрушив попутно представление о реальности с помощью тех же пропагандистских методов обработки. Самое разрушительное свойство пропаганды обусловлено как раз этой двойственностью. Поэтому нам следует подробнее рассмотреть эффект разрушения психики человека, возникающий под влиянием пропаганды.

Версия #1

Зверобой создал 20 января 2026 00:47:17

Зверобой обновил 20 января 2026 00:47:26